АНГЛИЙСКИЙ ПО КЛАССИКЕ

Синклер Льюис

Эроусмит

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

Читай и понимай без словаря

Синклер Льюис
Эроусмит. Англо-русская билингва

https://litres.ru/74650879
SelfPub; 2026

Аннотация

Хотите читать Синклера Льюиса на английском с переводом?

Эта книга устроена так: каждое английское предложение сразу сопровождается русским текстом. Вы не лезете в словарь и не теряете нить. Просто читаете — и понимаете всё с первой страницы.

«Эроусмит» — история молодого врача, который мечтает о науке, а не о частной практике. Мартин Эроусмит заканчивает медицинский, женится, открывает кабинет в захолустье и постепенно понимает, что медицина для большинства — это бизнес, а не спасение людей. Он уходит в исследования, находит свой «бактериофаг», а потом едет в охваченную чумой Вест-Индию, чтобы проверить лекарство. Сюжет держит в напряжении, и вы не замечаете, как английский становится понятнее с каждой страницей.

Слушайте в наушниках через программу-озвучку, занимаясь повседневными делами — билингва создаёт языковую среду, как

в детстве, когда вы осваивали родной язык. Читайте глазами — это даёт грамотность.

Эроусмит. Англо-русская билингва

АНГЛИЙСКИЙ ПО КЛАССИКЕ

Синклер Льюис

Эроусмит

Читай и понимай без словаря

Хотите читать Синклера Льюиса на английском с переводом?

Эта книга устроена так: каждое английское предложение сразу сопровождается русским текстом. Вы не лезете в словарь и не теряете нить. Просто читаете — и понимаете всё с первой страницы.

«Эроусмит» — история молодого врача, который мечтает о науке, а не о частной практике. Мартин Эроусмит заканчивает медицинский, женится, открывает кабинет в захолустье и постепенно понимает, что медицина для большинства — это бизнес, а не спасение людей. Он уходит в исследования, находит свой «бактериофаг», а потом едет в охваченную чумой Вест-Индию, чтобы проверить лекарство. Льюис написал этот роман в 1925 году и получил за него Пулитцеровскую премию, от которой демонстративно отказался. Сюжет держит в напряжении, и вы не замечаете, как английский становится понятнее с каждой страницей.

Слушайте в наушниках через программу-озвучку, занимаясь повседневными делами — билингва создаёт языковую среду, как в детстве, когда вы осваивали родной язык. Читайте глазами — это даёт грамотность.

© Самойлов А.Г., 2026г.

Sinclair Lewis Синклер Льюис

Arrowsmith Эроусмит

I am indebted to Dr. Paul A. De Kruy not only for much of the bacteriological and medical material for this book, but also for his help in developing the plot itself, for the fact that he saw a living person in each character of the novel, for his philosophy as a scientist. Я в долгу перед доктором Полем А Де-Крюи не только за большую часть бактериологического и медицинского материала для этой книги, но и за помощь в разработке самой фабулы, за то, что в каждом персонаже романа он видел живого человека, за его философию ученого. With this acknowledgement I want to remember the months of our closeness during the work on the book - in the United States, in the West Indies, in Panama, in London, in Fontainebleau. Этим признанием я хочу помянуть месяцы нашей близости во время работы над книгой — в Соединенных Штатах, в Вест-Индии, в Панаме, в Лондоне, в Фонтенебло. I wish I could reproduce our conversations on the way, and the days in the laboratories, and the late-night restaurants, and the deck at dawn when we entered tropical harbors. Хотелось бы мне воспроизвести наши разговоры в пути, и дни в лабораториях, и ночные рестораны, и палубу на рассвете, когда входили мы в тропические гавани.

Sinclair Lewis Синклер Льюис

1

In a wagon making its way through the forests and swamps of the Ohio desert, a girl of about fourteen, wearing a tattered dress, sat as the driver. В фургоне, пробиравшемся через леса и болота пустынного Огайо, сидела за возницу девочка лет четырнадцати в рваном платье. Her mother was buried near the Monongahela - the girl herself lined the grave with turf on the bank of the river with a beautiful name. Ее мать похоронили близ Мононгахилы — девочка сама обложила дерном могильный холмик на берегу реки с красивым названием. Her father lay feverish on the floor of the wagon, and around him played her brothers and sisters, dirty children in rags - happy children. Отец лежал в лихорадке на полу фургона, а вокруг него играли ее братья и сестры, чумазые ребятишки в отрепьях — веселые ребятишки.

At a fork in the road, in the middle of a grassy road, the girl stopped the van, and the sick man said in a broken voice: У развилка, посреди заросшей травою дороги, девочка остановила фургон, и больной прерывающимся голосом проговорил:

- Emmy, you'd better turn onto Cincinnati. — Эмми, ты бы лучше свернула на Цинциннати. If we manage to find Uncle Ed, I think he'll take us in. Если нам удастся разыскать дядю Эда, он, я думаю, примет нас к себе.

“Nobody will want to take us in,” said the girl. — Никто не захочет нас принять, — сказала девочка. “Let’s go straight ahead as long as we can. — Поедем прямо вперед, покуда можем.

To the west!” На запад! And I’ll see a lot of new things! И я увижу много нового!

She cooked dinner, put the children to bed and sat alone by the fire for a long time. Она сварила ужин, уложила детей спать и долго сидела одна у костра.

She was Martin Arrowsmith's great-grandmother. Это была прабабка Мартина Эроусмита.

A boy sat cross-legged in the doctor's chair in Doc Vickerson's office, reading Gray's Anatomy. Во врачебном кресле в кабинете дока Викерсона, закинув ногу на ногу, пристроился мальчик и читал "Анатомию" Грея. His name was Martin Arrowsmith, from Elk Mills, Winnemac. Звали его Мартин Эроусмит из Элк-Милза в штате Уиннемак.

In Elk Mills (then, in 1897, a shabby little village of red brick houses smelling of apples), it was said that the brown leather pull-out chair in which Doc Vickerson performed minor operations, occasionally pulled teeth, and more often dozed, began its existence in a barber shop. В Элк-Милзе (тогда, в 1897 году, это была неприглядная деревушка с домами красного кирпича и пахнувшая яблоками) уверяли, что раздвижное коричневой кожи кресло, на котором док Викерсон производил мелкие операции и дергал изредка зубы, а чаще подремывал, начало свое существование в цирюльне. It was also believed that its owner had once been called Dr. Vickerson, but over the years he had become simply "Doc," and was even shabbier and much more unyielding than his chair. Держалось

также поверье, что некогда его владелец прозывался доктором Викерсоном, но с годами он превратился просто в "дока", и был он еще обшарпанней и куда неподатливей своего кресла.

Martin was the son of J. J. Arrowsmith, who was manager of the New York Ready-Made Garment Sale. Мартин был сыном Дж Дж Эроусмита, который служил управляющим в "Нью-Йоркской Распродаже Готового Платья". Out of sheer spirit and stubbornness, the boy became, at the age of fourteen, the doc's unofficial and, of course, unpaid assistant; Из чистого задора и упрямства мальчик сделался в четырнадцать лет неофициальным и, разумеется, бесплатным ассистентом дока; when the doc was making his rounds of patients in the neighborhood, he took his place - although in what capacity it was necessary to take the doc's place, no one could explain. когда док объезжал больных по окрестностям, он его заменял — хотя, в чем нужно было заменять дока, никто не мог бы объяснить. Martin was a slender boy, not very tall; Мартин был стройный мальчик, не очень высокий; his hair and restless eyes were black, and his skin was unusually white, and this contrast seemed to speak of passionate inconstancy. волосы и беспокойные глаза были у него черные, а кожа необычайно белая, и этот контраст, казалось, говорил о страстном непостоянстве. Yet, thanks to his square head and fairly broad shoulders, he did not look effeminate; Все же благодаря квадратной голове и изрядно широким плечам он не выглядел женствен-

ным; there was not in him that irritable timidity which young gentlemen of an artistic disposition call scrupulousness. не было в нем и той раздражительной робости, которую молодые джентльмены артистического склада именуют щепетильностью. When he tossed his head while listening, his right eyebrow his, lying a little higher than the left, rose and twitched in his characteristic expression, energetic and independent - and then it was clear that the boy knew how to stand up for himself, and that daring inquisitiveness was revealed for which the teachers and the director of the Sunday school disliked him. Когда он, слушая, вскидывал голову, правая бровь его, лежавшая немного выше левой, поднималась и подергивалась в характерном для него выражении, энергическом и независимом, — и тогда видно было, что мальчик умеет постоять за себя, и обнаруживалась та дерзкая пытливость, за которую его недолюбливали учителя и директор воскресной школы.

Martin, like most of the inhabitants of Elk Mills before the Slavic-Italian immigration, was a typical purebred American Anglo-Saxon - in other words, he had German and French blood, Scottish, Irish, perhaps a little Spanish, probably some of that mixture called Jewish blood, and a large dose of English, which in turn is a combination of ancient British, Celtic, Phoenician, Romance, Germanic, Danish and Swedish elements. Мартин, как большинство обитателей Элк-Милза до славяно-итальянской иммиграции, был типичным чистокровным американским англосаксом — иными словами, в его жилах текла

германская и французская кровь, шотландская, ирландская, немного, может быть, испанской, вероятно в некоторой дозе и та смесь, что зовется еврейской кровью, и в большой дозе — английская, которая в свою очередь представляет собой соединение древнебританского, кельтского, финикийского, романского, германского, датского и шведского начал.

It cannot be said with certainty that when Martin went to work as Doc Vickerson's assistant, he was driven entirely by a lofty desire to become a Great Healer. Нельзя с уверенностью утверждать, что, когда Мартин пошел в помощники к доку Викерсону, им безраздельно руководило высокое желание сделаться Великим Целителем. True, he inspired awe in his peers when he dressed their abrasions or dissected albumens and at the same time explained the amazing and mysterious things hidden in physiology; Правда, он внушал трепет своим ровесникам, когда перевязывал им ссадины или анатомировал белок и при этом разъяснял, какие поразительные и таинственные вещи кроются в физиологии; but at the same time he was not entirely free from the vain desire to gain among his comrades the fame that shone on the son of an Episcopal priest, a boy who smoked a whole cigar without feeling sick. но в то же время он не был вполне свободен от тщеславного стремления стяжать среди товарищей славу, какая озаряла сына епископального священника, мальчика, который выкуривал целую сигару, не испытывая тошноты. But today he was diligently reading the chapter on the lymphatic system, pronouncing long

and completely incomprehensible words aloud, and his muttering in the dusty room made one even more sleepy. Но сегодня он усердно читал главу о лимфатической системе, выговаривая вслух длинные и совершенно непонятные слова, и от его бормотания в пыльной комнате еще больше клонило ко сну.

The room was the middle one of three occupied by Doc Vickerson, facing Main Street, directly above the New York Garment Sale. Комната была средняя из трех, занимаемых доком Викерсоном, окнами на Главную улицу, прямо над "Нью-йоркской Распродажей Готового Платья". On one side of it was a musty parlor, on the other was Vickerson's bedroom. По одну сторону от нее была затхлая приемная, по другую — спальня Викерсона. Doc was an old widower; Док был старый вдовец; he cared nothing for what he contemptuously called "feminine comforts"; он нисколько не заботился о том, что презрительно называл "женским уютом"; his bedroom, containing a rickety wardrobe and a camp bed covered with dirty blankets, was never cleaned except by Martin on those rare occasions when the boy was overcome by fits of sanitary zeal. в его спальне, где стояла шаткая шифоньерка и прикрытая грязными одеялами походная кровать, никто не прибирал, кроме Мартина — в тех редких случаях, когда на мальчика находили приступы санитарного рвения.

This middle room served simultaneously as an office, a doctor's office, an operating room, a living room, a place for playing poker, and a storage room for hunting and fishing

equipment. Эта средняя комната служила одновременно конторой, врачебным кабинетом, операционной, гостиной, местом для игры в покер и складом охотничьих и рыболовных принадлежностей. Against the brown plaster wall stood a glass case containing a zoological collection and medical curiosities, and next to it was the most terrible and most enticing object that the Elk Mills boys knew: У бурой оштукатуренной стены стоял стеклянный шкаф с зоологической коллекцией и медицинскими диковинами, а рядом — самый страшный и самый приманчивый предмет, какой только знали элк-милзские мальчишки: a skeleton with a single gold tooth in a grin. скелет с одиноким золотым зубом в оскале. In the evenings, when Doc was away, Martin, to enhance his prestige, would bring the quiet boys into the eerie darkness of the room and strike a sulfur match on the skeleton's jaw. По вечерам, когда док бывал в отлучке, Мартин для укрепления своего престижа приводил притихших мальчишек в жуткую темноту комнаты и чиркал серной спичкой о челюсть скелета.

On the wall hung a stuffed pike, handcrafted by the doc and mounted on a homemade polished board. На стене висело чучело щуки, собственноручно изготовленное доком и укрепленное на самодельной отполированной доске. Next to the rusty stove, on the spit-stained, worn-to-the-core linoleum, stood a spittoon—just a box of sawdust. Рядом со ржавой печуркой на захарканном, протертом до основы линолеуме стояла плевательница — просто ящик с опилками. On the shabby table

lay a pile of memoranda of debts that the doc constantly vowed to "finally collect from these scoundrels," but which he would never, under any circumstances, collect from any debtor. На ветхом столе лежала груда памятных записей о долгах, которые док постоянно клялся "собрать, наконец, с этих прощелыг", но которые он никогда, ни при каких обстоятельствах не взыскал бы ни с одного должника. From year to year... from decade to decade... from century to century—nothing changed for the hard-working doctor in the bustling, beehive-like town. Из года в год… из десятилетия в десятилетие… из века в век — ничто не менялось для работяги-врача в хлопотливом, как пчелиный улей, городке.

The most unsanitary corner was occupied by a cast-iron sink, which was used more often for washing egg-stained plates after breakfast than for sterilizing instruments. Самый антисанитарный угол был занят чугунной раковиной, которой чаще пользовались для мытья перемазанных яйцом тарелок после завтрака, чем для стерилизации инструментов. Around its edges lay a broken test tube, a broken fish hook, an unlabeled bottle of some unknown pills, a heel bristling with nails, a chewed cigar butt, and a rusty lancet stuck in a potato. По ее краям разложены были разбитая пробирка, сломанный рыболовный крючок, пузырек без ярлыка с какими-то пилюлями, неизвестно какими, ощетинившийся гвоздями каблук, изжеванный окурок сигары и воткнутый в картофелину ржавый ланцет.

This unkempt, neglected room expressed the soul of Doc Vickerson, was its symbol: Эта неприбранная запущенная комната выражала душу дока Викерсона, была ее символом: it was more exciting than the impersonal stacks of shoeboxes at the New York Sale; она волновала сильнее, чем безличные стопки башмачных коробок в "Нью-йоркской Распродаже"; it beckoned Martin Arrowsmith to exploration and adventure. она манила Мартина Эроусмита на исследования и приключения.

The boy raised his head and an inquisitive eyebrow. Мальчик вскинул голову, поднял пытливую бровь. Doc Vickerson's heavy footsteps could be heard on the stairs. На лестнице слышны были тяжелые шаги дока Викерсона. Doc isn't drunk! Док не пьян! Martin won't have to put him to bed. Мартину не придется укладывать его в постель.

But it was a bad sign that Doc went first through the hallway into the bedroom. Но было недобрым признаком, что док прошел сперва через прихожую в спальню. The boy began to listen and heard Doc open the bottom cabinet in the washbasin, where he kept a bottle of Jamaican rum. Мальчик стал вслушиваться и услышал, как док отворил нижний шкафчик в умывальнике, где держал бутылку ямайского рома. There was a gurgling sound; Забулькало; then the invisible doctor put the bottle back and decisively slammed the door with his foot. затем невидимый доктор поставил бутылку на место и решительно захлопнул ногою дверцу. No big deal for now. Пока не страшно.

He only took a swig from the bottle once. Только раз приложился к бутылке. If he now went straight into the office, everything would turn out well. Если теперь он пройдет сразу в кабинет, все обойдется благополучно. But Doc was still standing in the bedroom. Но док все еще стоял в спальне. Martin sighed when the washbasin door was quickly opened again, and the gurgling sound was heard again, then for the third time. Мартин вздохнул, когда дверца умывальника снова поспешно отворилась, и снова послышалось бульканье, потом в третий раз.

The doc's gait was much more cheerful when he burst into the office, a grey bulk with a grey brush of a moustache - huge, unreal and indefinite, like a cloud that for a moment took on the appearance of a man. Поступь дока была много бодрее, когда он ввалился в кабинет серой тушей с серой щеткой усов — огромный, нереальный и неопределенный, точно облако, на миг принявшее сходство с человеком. Immediately rushing into the attack - the usual technique of someone who wants to prevent a conversation about his misdeed - the doc walked up to the desk and thundered: Сразу кидаясь в атаку — обычный прием у того, кто желает предотвратить разговор о своей провинности, — док подошел к письменному столу и загремел:

- What are you doing here, young man! — Что вы тут делаете, молодой человек! What are you doing here? Что вы тут делаете? I-I knew the cat would bring something if I didn't lock the door. Т-так и знал, что кошка что-нибудь притащит, если

я не запру дверь. - He hiccupped softly; — Он негромко икнул; he smiled to show that he was joking, because people don't always know how to recognize the mood of the doctor. улыбнулся, чтобы показать, что шутит, а то люди не всегда умеют распознать, в каком настроении док.

He continued more seriously, sometimes forgetting what he was talking about: Он продолжал уже серьезней, забывая временами, о чем говорит:

— Are you reading old Gray? — Читаешь старого Грея? Good thing. Хорошее дело. A doctor's library consists of three books: Библиотека врача — это три книги: Gray's Anatomy, the Bible, and Shakespeare. "Анатомия" Грея, библия, Шекспир. Study. Учись. You could become a great doctor. Из тебя может выйти великий врач. You'll live in Zenith and make five thousand dollars a year — like your senator. Будешь жить в Зените и зашибать пять тысяч долларов в год — что твой сенатор. Always aim higher. Меть всегда повыше. Seize your luck. Лови удачу. And work on yourself. И работай над собой. First, graduate from college, then go to medical school. Кончишь сперва колледж, потом — на медицинский факультет. Study chemistry. Изучай химию. Latin. Латынь. Science! Науки! I'm a lousy doctor. Я горе-врач. I have neither a stake nor a yard. У меня ни кола, ни двора. I'm an old bachelor and a drunkard. Я старый бобыль и пьяница. And you — you'll be a prominent doctor. А ты — ты будешь видным врачом. You'll make five thousand a year! Будешь зашибать пять тысяч в год!

Murray's wife has endocarditis. У жены Маррея эндокардит. I can't do anything for her. Я ничего не могу для нее сделать. There's no one to sit with her, to hold her hand. Некому посидеть с ней, подержать за руку. The road is just a curse. Дорога — просто проклятие. The drainage pipe behind the grove has collapsed. Разворотило дренажную трубу за рощей. Curse! Прр…клятие!

Endocarditis and… Эндокардит и…

You need to study, study! Учеба тебе нужна, учеба! Know the basics. Знать основы. Chemistry. Химию. Biology. Биологию. I haven't studied them. Я-то их не изучал. Mrs. Jones, the wife of Reverend Jones, thinks she has a stomach ulcer. Миссис Джонс, жена преподобного Джонса, думает, что у ней язва желудка. She wants to go to the city for an operation. Хочет ехать в город на операцию. An ulcer, of course! Язва, как же! Both of them, the Reverend himself and his wife, eat beyond their means! Оба они, и сам преподобный и его супружница, жрут не в меру!

That they won't fix the drainage... And also: Что они не исправят дренаж… И еще: You don't have to be like me, a drunkard. не надо быть таким, как я, пропойцей. You have to study - accumulate knowledge. Учиться надо— накапливать знания. What you don't understand, I'll explain. Чего не поймешь, объясню.

The boy, though he was an ordinary country boy, not averse to throwing stones at cats and playing tag, experienced a fever of

treasure hunting when Doc, with a slurred tongue, tried to open to his spiritual vision the glory of knowledge, told him of the universality of biology, of the triumphant precision of chemistry. Мальчик, хоть и был он обыкновенным деревенским парнишкой, который не прочь пошвырять камнями в кошек и поиграть в пятнашки, испытывал лихорадку кладоискателя, когда док заплетающимся языком старался открыть его духовному взору всю славу знания, говорил ему про универсальность биологии, про торжествующую точность химии. Doc was an old, fat man, unclean, degraded. Док был старый толстый человек, нечистоплотный, опустившийся. He had no grammar, his vocabulary would have embarrassed anyone, and his comments on his rival, the kindly Doctor Needham, were downright scandalous; С грамматикой он не ладил, его словарь смутил бы хоть кого, а его отзывы о своем сопернике, добрейшем докторе Нидхэме, были прямо скандальны; and yet he knew how to awaken in Martin a dream of chemical experiments with noisy explosions and stinking dreams, a dream of examining microscopic bugs that no boy in Elk Mills had ever seen. и все-таки он умел пробудить в Мартине мечту о химических опытах с шумными взрывами и вонью, мечту о разглядывании микроскопических букашек, которых еще не доводилось увидеть ни одному мальчику в Элк-Милзе.

The doctor's voice became muffled. Голос доктора стал глуше. The old man sank into a chair, his gaze was cloudy, his lower lip drooped. Старик опустился в кресло, взгляд его был му-

тен, нижняя губа отвисла. Martin begged him to lie down, but the doctor did not give in. Мартин упрашивал его лечь, но док не сдавался.

— I don't want to sleep! — Не желаю спать! No! Нет! Listen. Выслушай. You don't appreciate it, but I… I'm already old. Ты не ценишь, а ведь я… Я уже стар. I'm sharing with you all the knowledge that I've acquired. Я делюсь с тобою всеми знаниями, которые сам приобрел. I'm showing you my collection. Показываю тебе коллекцию. The only museum in the entire region. Единственный музей на весь край. I'm a pioneer of education. Я — пионер просвещения.

Hundreds of times Martin had dutifully looked at the objects laid out in the dark bookcase with its dull polish; Сотни раз Мартин послушно смотрел на предметы, разложенные в темном книжном шкафу с потускневшей полировкой; at the beetles and at the pieces of mica; на жуков и на куски слюды; at the embryo of a two-headed calf; на зародыш двухголового теленка; at the stones removed from the liver of a certain respectable lady, whose name Doc enthusiastically told to each of his visitors. на камни, удаленные из печени одной почтенной дамы, имя которой док с энтузиазмом называл каждому своему посетителю. Doc stood in front of the bookcase and moved his huge, but trembling index finger. Док стоял перед шкафом и водил громадным, но дрожащим указательным пальцем.

— Look at this butterfly. — Погляди на эту бабочку. It's a porthesia chrysorrhoea. Это — porthesia chrysorrhoea. Doc

Needham couldn't tell you its name. Док Нидхэм не мог бы тебе ее назвать. He doesn't know any butterfly's name! Он не знает, как какую бабочку зовут! He doesn't care whether you gain knowledge or not. Ему неважно, получишь ты знания или нет. Have you remembered its name now? Запомнил ты теперь это название? — He turned to Martin. — Он повернулся к Мартину. — Are you listening? — Ты слушаешь? Are you interested? Тебе интересно? Huh? А? Ugh, darn it! Тьфу, черт! Nobody wants to know about my museum — not a soul! Никто и знать не желает о моем музее — ни одна душа! The only museum in the whole land! О единственном музее на весь край!! ! I'm an old loser! Я — старый неудачник!

"No, really, no," Martin began to assure. — Да, право же, нет, — стал уверять Мартин. "Your museum is magnificent!" — Музей у вас шикарный!

— Look here! — Смотри сюда! Look! Смотри! Do you see? Видишь? Right here, in the bottle? Вот здесь, в бутылке? It's an appendix. Это — аппендикс. The first appendix ever removed in this county. Первый аппендикс, вырезанный в нашем округе. And I removed it! И вырезал его я! Yes! Да! What do you think! Что ты думаешь! Old Doc Vickerson was the first appendicitis operator in this backwater! Старый док Викерсон первый в этом захолустье сделал операцию аппендицита! And he founded the first museum. И основал первый музей. A small one, true... but it's a start. Небольшой — правда… но это — начало. I didn't save up the money like Doc Needham,

but I laid the foundation for the first collection—the first! Я не скопил денег, как док Нидхэм, но я положил основу первой коллекции — первой!

He fell into a chair and groaned: Он повалился в кресло, простонал:

- You're right. — Ты прав. I'm going to bed! Пойду спать! I'm exhausted. Выдохся. - But when Martin helped him to his feet, he jerked to the side, began to grope with his hand on the desk, and looked around suspiciously. — Но когда Мартин помог ему подняться на ноги, он рванулся в сторону, стал шарить рукой по письменному столу, подозрительно оглянулся. - I wanted to give you something. — Я хотел дать тебе кое-что. To start your studies. Положить начало твоему учению. Don't forget the old man. Не забывай старика. Will anyone remember the old man? Будет кто-нибудь помнить старика?

Doc held out his beloved magnifying glass, which he had used for years in his botany studies, in his outstretched hand. Док держал в протянутой руке свою нежно любимую лупу, которой годами пользовался в занятиях ботаникой. He watched as Martin put the magnifying glass in his pocket, sighed, tried to say something else, and silently wandered off to the bedroom. Он посмотрел, как Мартин опустил лупу в карман, вздохнул, попробовал сказать что-то еще и молча побрел в спальню.

2

The state of Winnemac borders Indiana, Illinois, Ohio, and

Michigan and, like them, is a combination of East and Midwest. Штат Уиннемак граничит с Индианой, Иллинойсом, Огайо и Мичиганом и, подобно им, представляет собой сочетание Востока со Средним Западом. Its brick villages, shaded by plane trees, its industries and traditions dating back to the Revolutionary War, breathe New England. Его кирпичной стройки деревни, осененные чинарами, его промыслы и традиции, восходящие к войне за независимость, дышат Новой Англией. The largest city in the state, Zenith, was founded in 1792. Самый крупный город штата — Зенит — основан в 1792 году. But with its fields of wheat and corn, red barns and silos, Winnemac belongs to the Midwest, and many of its counties, despite the hoary antiquity of Zenith, began to be settled only since 1860. Зато полями пшеницы и кукурузы, красными амбарами и силосными башнями Уиннемак принадлежит к Среднему Западу, и многие его округа, несмотря на седую древность Зенита, начали заселяться только с 1860 года.

Winnemac University is located in Mohalis, fifteen miles from Zenith. Уиннемакский университет находится в Могалисе, в пятнадцати милях от Зенита. It has twelve thousand students; В нем учатся двенадцать тысяч студентов; Next to this wonder, Oxford is a tiny theological school, and Harvard is an elegant college for young gentlemen. Оксфорд рядом с этим чудом — крошечная богословская школа, а Гарвард — изысканный колледж для молодых джентльменов. The

university has a baseball field under a glass roof; При университете имеется бейсбольное поле под стеклянной крышей; its buildings stretch for many miles; его здания тянутся на много миль; it employs hundreds of young Ph.D.s to accelerate the training of students in Sanskrit, navigation, bookkeeping, eyeglass fitting, sanitary engineering, Provencal poetry, customs regulations, turnip cultivation, automobile design, the history of the city of Voronezh, the peculiarities of Matthew Arnold's style, the diagnosis of kymoparalytic myohypertrophy, and department store advertising. он держит на жалованье сотни молодых докторов философии для ускоренного обучения студентов санскриту, навигации, счетоводству, подбору очков, санитарной технике, провансальской поэзии, таможенным правилам, выращиванию турнепса, конструированию автомобилей, истории города Воронежа, особенностям стиля Мэтью Арнольда, диагностике кимопаралитической миогипертрофии и рекламированию универмагов. Its president is the foremost expert in the United States on money-making and table speeches; Его ректор — первый специалист в Соединенных Штатах по добыванию денег и застольным речам; and Winnemac was the first university in the world to introduce radio transmission of its correspondence courses. и Уиннемак первый среди университетов всего мира ввел передачу своих заочных курсов по радио.

This is not some college for young snobs, devoted to idle trifles. Это не какой-нибудь колледж для юных снобов, по-

священный праздным пустякам. It is the property of the citizens of the state, and the citizens of the state need (or are led to believe they need) a factory for turning out men and women who will lead moral lives, play bridge, drive good cars, be enterprising in business, and occasionally mention this or that book, although everyone knows they have no time to read. Это — собственность граждан штата, а граждане штата нуждаются (или им внушают, что они нуждаются) в фабрике по изготовлению мужчин и женщин, которые вели бы нравственный образ жизни, играли бы в бридж, ездили бы в хороших автомобилях, проявляли предприимчивость в делах и при случае упоминали ту или иную книгу, хотя всякому ясно, что читать им некогда. It is a Ford factory; Это — фордовский завод; the cars it turns out, although they rattle, are impeccably standardized, and their parts can be easily interchanged from one to another. выпускаемые им автомобили хоть и дребезжат, зато безукоризненно стандартизованы, и их части можно легко переставлять с одного на другой.

The influence of Winnemac University and the number of its students are growing every hour, and it can be expected that by 1950 it will have created an entirely new world civilization - more powerful, more vigorous, more pure. Влияние Уиннемакского университета и численность его студентов растут с каждым часом, и можно ожидать, что к 1950 году он создаст совершенно новую всемирную цивилизацию — более мощную, более бойкую, более чистую.

In 1904, when Martin Arrowsmith, having received the degree of Bachelor of Science and Arts, was preparing to enter the medical faculty, Winnemac had only five thousand students, but it was already a fairly lively center. В 1904 году, когда Мартин Эроусмит, получив звание бакалавра наук и искусств, готовился к поступлению на медицинский факультет, Уиннемак насчитывал всего пять тысяч студентов, но был уже довольно бойким центром.

Martin was twenty-one years old. Мартину исполнился двадцать один год. He still looked pale, in contrast to his sleek black hair, but he was a decent runner, a good center in basketball, and an avid hockey player. Он все еще казался бледным — по контрасту с гладкими черными волосами, но был приличным бегуном, неплохим центром в баскетболе и ярым хоккеистом. The female students whispered about his "romantic looks"; Студентки перешептывались о его "романтической внешности"; but since this was before the invention of the sex problem and before the era of kissing parties, they spoke of him only from a distance, and he did not know that he could become the hero of love stories. но так как было это до изобретения половой проблемы и до эры вечеринок с поцелуями, они говорили о нем только на расстоянии, и он не знал, что мог бы сделаться героем любовных историй. For all his stubbornness, he was shy. При всем своем упрямстве он был застенчив. He was not entirely inexperienced in caresses, but he did not turn them into an occupation. Он не был совсем неопытен в ласках, но

не превращал их в занятие. His company consisted of young men whose masculine pride was to smoke a greasy corn pipe and wear a greasy sweater. Общество его составляли молодые люди, мужскою гордостью которых было курить замусоленную кукурузную трубку и носить замусоленный свитер.

The university became his world. Университет стал его миром. Elk Mills no longer existed for him. Элк-Милз для него больше не существовал. Doc Vickerson was dead, buried and forgotten; Док Викерсон умер, был похоронен и забыт; Martin's father and mother died, leaving him with only enough money to finish university. отец и мать Мартина умерли, оставив ему средства только на окончание университета. His life's goal was chemistry and physics, with a view to biology the following year. Целью его жизни была химия и физика с перспективой биологии на будущий год.

Martin's idol was Professor Edward Edwards, head of the chemistry department, known to everyone by the nickname "Double Edwards." Кумиром Мартина был профессор Эдвард Эдварде, руководитель кафедры химии, известный всем под кличкой "Дубль-Эдвардс". Edwards' knowledge of the history of chemistry was immense. Познания Эдвардса в истории химии были необъятны. He read Arabic and infuriated his colleagues by insisting that the Arabs had anticipated all the results of their research. Он читал по-арабски и приводил в ярость своих коллег, уверяя, что арабы предвосхитили все результаты их изысканий. Professor Edwards himself never did

any research. Сам профессор Эдварде никогда не занимался изысканиями. He sat in front of the fireplace, stroked his shepherd dog and chuckled into his beard. Он сидел перед камином, гладил свою овчарку и посмеивался в бороду.

That evening Double-Edwards gave one of his usual parties, always eagerly attended. В этот вечер Дубль-Эдвардс устроил один из своих обычных приемов, всегда охотно посещавшихся. He leaned back in a brown plush chair and joked quietly, to the delight of Martin and five or six other young chemistry enthusiasts, teasing Dr. Norman Brumfitt, the English literature professor. Он откинулся на коричневую спинку обитого плисом кресла и спокойно шутил на радость Мартину и еще пяти-шести молодым фанатикам химии, поддразнивая доктора Нормана Брамфита, преподавателя английской литературы. The room was full of merriment, beer and Brumfitt. Комната была полна весельем, пивом и Брамфитом.

Every school has its rebel, destined to awe and confound the crowded lecture halls. В каждом учебном заведении есть свой бунтарь, призванный повергать в трепет и смущение переполненные аудитории. Even in such an intensely virtuous institution as the University of Winnemac, there was such a rebel—this same Norman Brumfit. Даже в столь интенсивно-добродетельной организации, как Уиннемакский университет, был такой бунтарь, — этот самый Норман Брамфит. He was free to speak of himself as an amoral being, an agnostic, and a socialist, since everyone knew that he was celibate, a

Presbyterian, and a Republican. Ему безоговорочно разрешалось говорить о себе, как об аморальном существе, агностике и социалисте, поскольку всем было известно, что он хранит целомудрие, верен пресвитерианской церкви и состоит в республиканской партии. Today, Brumfit was in good spirits. Сегодня Брамфит был в ударе. He insisted that whenever we deal with a man of genius, it can be proven that he has Jewish blood. Он уверял, что всякий раз, как мы имеем дело с гениальным человеком, можно доказать, что в нем есть еврейская кровь. As always happens at Winnemac, when the subject of Judaism comes up, the conversation turned to Max Gottlieb, professor of bacteriology in the medical department. Как всегда бывает в Уиннемаке, когда заходит речь об иудаизме, разговор перешел на Макса Готлиба, профессора бактериологии на медицинском факультете.

Professor Gottlieb was an enigma at the university. Профессор Готлиб был загадкой университета. It was known that he was a Jew, that he was born and educated in Germany, and that his work on immunology had won him fame in the East and Europe. Было известно, что он еврей, что он родился и учился в Германии и что его работы по иммунологии стяжали ему славу на Востоке и в Европе. He rarely left his dilapidated brown house, unless it was to return to the laboratory in the evening, and few of the students who were not in his course knew him by sight; Редко выходил он из своего обветшалого коричневого домика, если не затем, чтоб вечером вернуться

в лабораторию, и мало кто из студентов, не слушавших его курса, знал его в лицо; but everyone had heard of him - a tall, thin, dark-faced recluse. но каждый слышал о нем — о высоком, худом и смуглолицем затворнике. Thousands of fables circulated about him. О нем ходили тысячи басен. They said that he was the son of a German prince, that he was incredibly rich and lived as meagerly as other professors, only because he carried out mysterious and expensive experiments - perhaps even involving human sacrifices. Рассказывали, что он сын немецкого принца, что он несметно богат и живет так же скудно, как и прочие профессора, только потому, что производит таинственные и дорого стоящие опыты, — возможно, связанные даже с человеческими жертвами. They said that he had achieved the ability to create life in the laboratory, that by vaccinating monkeys, he speaks monkey language, that he was expelled from Germany as a devil worshipper and anarchist and that every evening he secretly drinks real champagne with dinner. Говорили, что он достиг умения создавать жизнь лабораторным путем, что, делая прививки обезьянам, он с ними разговаривает на обезьяньем языке, что из Германии он изгнан как поклонник дьявола и анархист и что каждый вечер он тайно пьет за обедом настоящее шампанское.

Tradition did not allow professors and lecturers to criticize their colleagues in the presence of students, but no one dared to consider Max Gottlieb a colleague. Традиция не позволяла профессорам и преподавателям разбирать своих коллег в

присутствии студентов, но Макса Готлиба никто не смел считать своим коллегой. He was as impersonal as a cold northeast wind. Он был безличен, как холодный северо-восточный ветер. Dr. Brumfitt orated: Доктор Брамфит ораторствовал:

— I am, I dare say, liberal enough in the question of the rights of science, but with a man like Gottlieb... I am ready to believe that he knows all about material forces, but it astonishes me when such a man blindly closes his eyes to the vital force that creates all others. — Я достаточно, смею сказать, либерален в вопросе о правах науки, но с таким человеком, как Готлиб… Я готов поверить, что он знает все о силах материальных, но меня поражает, когда такой человек слепо закрывает глаза на жизненную силу, создающую все другие. He maintains that knowledge is worthless unless it is based on figures. Он утверждает, что знание не имеет цены, если не опирается на цифры. Excellent! Прекрасно! If any of you young luminaries can take and measure the genius of Ben Jonson with a tailor's tape measure, then I will agree that we poor philologists, with our undoubtedly absurd faith in beauty, and fidelity to ideals, and in the world of dreams, that we are on the wrong track! Если кто-нибудь из вас, молодых светил, может взять и вымерить гений Бен Джонсона портновским сантиметром, тогда я соглашусь, что мы, бедные словесники, с нашей безусловно нелепой верой в красоту, и верность идеалам, и в мир сновидений, — что мы на ложном пути!

Martin Arrowsmith did not quite grasp the precise meaning

of these words, but in his youthful ardor he was not at all embarrassed. Мартин Эроусмит не вполне уяснил себе точный смысл этих слов, но в юном своем пылу нисколько этим не смутился. He was relieved to hear Professor Edwards, from amidst the thicket of beard and tobacco smoke, utter something strangely resembling “ugh, the abyss!” Он с облегчением услышал, как профессор Эдварде из гущи бороды и табачного дыма проронил нечто до странности похожее на "тьфу, пропасть! and, interrupting Brumfit, took over the conversation himself. " и, перебив Брамфита, сам завладел разговором. At another time, Double would have asserted with amiable sarcasm that Gottlieb was a “mortician” who spent year after year destroying the theories of other scientists, while himself contributing nothing new to science. В другое время Дубль с любезной язвительностью стал бы уверять, что Готлиб "похоронных дел мастер", который тратит за годом год на разрушение теорий, созданных другими учеными, сам же не вносит в науку ничего нового. But today, in defiance of such empty-headed verbalists as Brumfit, he began to extol Gottlieb for his long, lonely, invariably unsuccessful efforts to synthesize the antitoxin, for the devilish pleasure with which he refuted his own propositions along with those of others. Ehrlich or Sir Almroth Wright. Но сегодня, в пику таким пустомелям-словесникам, как Брамфит, он стал превозносить Готлиба за долгие, одинокие, неизменно безуспешные усилия синтезировать антитоксин, за дьявольское наслаждение, с каким он

опровергает свои собственные положения наряду с положениями Эрлиха или сэра Альмрота Райта. He also spoke of Gottlieb's famous book, "Immunology," which has been read by seven-ninths of all people who have any chance of understanding it—and there are nine of them in the whole world. Говорил он и о прославленной книге Готлиба "Иммунология", которую прочли семь девятых изо всех людей, имеющих некоторые шансы ее понять, — а их во всем мире девять человек.

T

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.